

Николай Лесков

Вдохновенные бродяги

Николай Лесков
Вдохновенные бродяги

«Public Domain»

1894

Лесков Н. С.

Вдохновенные бродяги / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1894

«„Скасками“ назывались в России сообщения, которые „бывалые“ люди, по возвращении из своих удалых прогулок, подавали своим милостивцам или правителям, а иногда и самим государям. В „скасках“ удалыцы обыкновенно повествовали о своих странствиях и приключениях, об удали в боях и о страданиях в плену у чужеземцев, которые всегда старались наших удалыцов отклонить от любви к родине и привлечь богатыми дарами в свое подданство; но только наши люди обыкновенно оставались непоколебимо верны своему царю и отечеству и все соблазны чужих людей отвергали и постыждали, а потом этим вдохновенно хвастались. Более или менее интересное сочетание былей с небылицами в этом роде составляет главное содержание всех „скасок“, а характерные черты их бродяжных героев – это отвага, терпенье и верность...»

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	10
V	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Лесков

Вдохновенные бродяги

(Удалецкие «скаска»)

*«Величие народа в том,
Что носит в сердце он своем».*

Ап. Майков.

*«И ложные слухи в народе
показывают стремление этого
народа к известной цели».*

Еписк. Порфирий Успенский.

(См. «Книга бытия моего», т. I, стр. 357)

I

«Скасками» назывались в России сообщения, которые «бывалые» люди, по возвращении из своих удалых прогулок, подавали своим милостивцам или правителям, а иногда и самим государям. В «скасках» удалцы обыкновенно повествовали о своих странствиях и приключениях, об удали в боях и о страданиях в плену у чужеземцев, которые всегда старались наших удалцов отклонить от любви к родине и привлечь богатыми дарами в свое подданство; но только наши люди обыкновенно оставались непоколебимо верны своему царю и отечеству и все соблазны чужих людей отвергали и постыждались, а потом этим вдохновенно хвастались. Более или менее интересное сочетание былей с небылицами в этом роде составляет главное содержание всех «скасок», а характерные черты их бродяжных героев – это отвага, терпенье и верность. За эти добродетели скасочники просили себе награды, и «скаска» затем и подавалась. «Скаскам», которые сочиняли о себе вдохновенные бродяги, у нас легко верили, их читали вместо путешествий, и они доставляли удовольствие высоким лицам, которые не читали ничего лучшего, а составители «скасок» получали через это славу от соотчичей и награды за удалство от правителей и государей.

Разумеется, до полных результатов в этом роде достигали не все «скаска», а только такие, которые были сложены особенно хорошо, то есть любопытно и «лестно» в патриотическом смысле. Таким милостивцы давали «высший ход» и сочинения эти доходили до царских палат и теремов, откуда вдохновенным сочинителям исходило «царское жалованье». И кроме того, после к ним уже никто не смел вязаться с требованием ответа за «шатательство» и за какие бы то ни было старые неисправности, так как «кого царь пожаловал, того и бог простил».

При императоре Петре I, с изменением, происшедшим в понимании русских людей, «скаска» вдохновенных бродяг потеряли свое значение в обществе: невежественные люди ими еще интересовались, но петровские грамотеи, ознакомившиеся с лучшими произведениями, перестали интересоваться «бродяжными баснями». А главное, деловитый царь не любил потворствовать глупостям, и «скасочников» прямо стали называть неучтиво «бродягами» и бить батогами.

Такая суровость не давала вдохновению бродяг простора, и «скаска» их было перевелись или оставались только в сфере преданий, живших в «местах заключения». Это была устная, «острожная словесность», но нынче вспомнили и о «скасках» и дали недавно русскому обществу любопытный и будто бы последний образчик такого произведения, которое очень понра-

вилось самой сильной современной русской газете, которая указала на это, как на прекрасную и достойную внимания вещь. Но на самом деле «скаски» в добросовестной литературе не могут получить похвалы, а должны получить прежде всего разъяснение их достоинств.

Настоящий очерк должен быть опытом в этом роде.

II

В истекающем 1894 году, в «Чтениях Моск<овского> Общ<ества> Ист<ории> и Древ<ностей> России» напечатаны две челобитные со «скасками», поданные в 1643 г, царю Михаилу Феодоровичу «турскими полонениками», калужским стрельцом Иваном Семеновым Мошкиным и московским посадским человеком Якимом Васильевичем Быковым.

Редакция большой и самой влиятельной теперь петербургской газеты заинтересовалась этим документом и воспроизвела «скаску» с полным доверием ко всему, что там сказано. Она прямо назвала «скаску» Мошкина и Быкова «достоверным источником, который обстоятельно рисует быт чужих стран и предприимчивость, бескорыстие и патриотизм русских людей».

Думается, что если бы газета знала, какими людьми и с какими целями составлялись такие «челобитные со скасками», то она наверно предпочла бы просто перепечатать «скаску», как любопытный образчик этого рода письменности, и не стала бы заверять «достоверность этого источника», явная лживость которого до того очевидна, что, несмотря на давность событий и отдаленность места описанных происшествий, а также на полное отсутствие проверочных сведений – лживость «скаска» все-таки легко доказать из нее же самой, что мы сейчас же и попробуем сделать.

Главным сюжетом «скаска», приведенной в «Чтении Общества Истории и Древностей», служит отважный побег некоего Мошкина, вместе с 280 русских «полоняников», томившихся более семи лет на турецкой каторге. Побег был устроен из Царьграда по заранее обдуманному плану с судна «каторги», которое принадлежало Апты-паше Марьеву.

На судне, по словам Мошкина, было «250» турок и «280» русских невольников, – значит, почти на каждого русского невольника приходилось по одному турку. Пропорция ужасная для устройства побега, но тем занимательнее: как это делается.

Мошкин под Азовом украл у турок сорок фунтов пороха и спрятал их у себя на «каторге», где их содержали так слабо и доверчиво, что они никому не попались с своей кражей. Мошкин решил взорвать «каторгу» в море и, когда произойдет взрыв, уйти с судна со всеми своими товарищами, 280 русскими полоняниками. С этой целью один раз ночью Мошкин пробрался в капитанскую каюту, захватив с собою весь украденный пуд пороха, и заложил весь этот заряд целиком около того места, где спал Апты-паша, и подстроил под порох горящую головню; порох вспыхнул и произошел взрыв, и «двадцать турок побросало в море»; но и сам Мошкин «обгорел по пояс». Паша, однако, остался невредим, так как он спал на «успокойном месте», и, проснувшись, поднял тревогу. Мошкин «учал ему говорить спорно», а потом бросился на пашу и проколол ему «брюхо». Началась схватка, после которой 210 турок были побиты, а 40 живых закованы в железо, а из русских 20 ранены и 1 убит.¹ Сам Мошкин был ранен стрелой в голову, правую руку и саблею – в голову и брюхо. После победы русские под предводительством Мошкина «пошли на судне». Идучи Средиземным морем, они побывали в «7 землях» и в Россию вернулись через Рим, Венецию, Вену и Варшаву. Они приставали и высаживались во многих городах и везде обращали на себя внимание и зависть иностранцев: везде «королевские ближние люди перезывали их в свои земли на службу и многие гроши давали». Такие богатые делали им предложения, каких, они знали, что в родной земле им ожидать себе невозможно, но они все не соблазнялись и плыли, и, заболтавшись по морю, попали в испанский город Мессину, где испанский генерал увидел Мошкина и стал предлагать ему «по 20 р. в месяц», а всем прочим «давал гроши и платья, и жалованья». Но Мошкин и все другие

---

¹ Турок было всего 250 человек. Из них сброшено в море 20, побито 210 и осталось 40 человек, что составляет всего 270 человек. Значит, после катастрофы на двадцать человек стало больше. Газета даже и этого не заметила. (Прим. Лескова.)

русские люди не польстились на выгодные предложения чужих правительств и «не подумали остаться в Европе».

Воздержались они от этого соблазна, «помня бога, православную веру, свою русскую природу и государеву милость».

III

Испанский генерал и прочие вельможи, увидав, что русские люди так верны, что не приняли сделанных им выгодных предложений, рассердились на них и переменили с ними обхождение, и вместо прежних ласк и соблазнов начали их донимать утеснением и скорбями. Начали они это с того, что, по приказанию своего воеводы, «отняли каторгу (судно), со всеми животы» (т. е. имуществом), а также отняли у них и сорок человек турок, которых освободившиеся русские сами содержали теперь у себя в плену и надеялись притащить их взаперти к себе «ко дворам» или продать где-нибудь в неволю, а при опасности, конечно, не затруднились бы сбросить и за борт. Но испанцы досмотрели, что везли на судне, и все это дело расстроили: они не только отобрали турок и выпустили их на свободу, но еще из самих русских взяли семь человек под арест, вероятно для того, чтобы узнать, что они за люди и по какому праву держали у себя запертыми на «каторге» турецких людей. В «скаске» ничего не говорится о причине, для чего их придержали, но видно, что произошло что-то серьезное, после чего русские пошли от испанцев «наги, босы и голодны». И такое бедствие они терпели до самого Рима. В Риме один из товарищей Мошкина, воронежский крестьянин Григорий Кареев, заболел и лежал при смерти 2 месяца. А болезнь ему приключилась от ран, полученных на «каторге» (т. е. при стычке с турками); в Риме и «копье (т. е. наконечник стрелы) вынули у него из раны у папы римского». «У папы они принимали сакрамент» (против этого места в скаске думный дьяк Иван Гавренев сделал помету: «отослать их подначало к патриарху для исправления»). Из Рима удалцы пошли на Венецию, Вену и Варшаву (sic) и везде «разговаривали с цезарями» и «все им были рады» и все их звали к себе на службу, но Мошкин и его товарищи чужим цезарям служить не захотели.

Итак, во всех тяжелых и соблазнительных положениях своего плена, Мошкин показал себя человеком мужественным, неподкупным и беззаветно преданным православной вере и русскому царю. Таким он, нимало не обинуясь, выставляет себя сам в челобитной со скаского, и так же представляют его личность современные комментаторы челобитной; но я опять говорю, что человек, сохраняющий в себе здравый смысл, не может принять все рассказанное в этой «скаске».

Обратим внимание на явные очевидности, которые кидаются в глаза и говорят, что в «скаске» Мошкина есть много неправды, после чего трудно верить и остальному.

IV

1) Возможно ли, чтобы судно, при взрыве на нем целого пуда пороха, встряхнулось так, что некоторых неподходящих людей скинуло в воду, а затем все свои люди уцелели и самое судно сейчас же было годно для дальнейшего плавания?

Нам думается, что это невозможно и что невозможность эта очевидна.

2) Вероятно ли, что Мошкин, опаленный огнем до пояса, сейчас же мог еще «спорно» разговаривать и, вставши, биться на саблях и проколоть брюхо совершенно здоровому паше?

По-нашему, это невероятно.

3) Отчего из 250 человек турок, которые плыли на судне, после взрыва насчитывается 270 турок? (20 сброшено в море, 210 убито русскими и 40 осталось у них, итого 270)?

Если это ошибка, то не странно ли, что она не замечена ни дьяком Гавреневым, ни Московским Обществом Истор<ии> и Древн<остей> ни редакцией газеты, которая нашла весь этот рассказ «достоверным и обстоятельным»?

4) Как могло быть, что Мошкин, раненный в голову и в живот, сейчас же мог принять команду судном и повел его далее?

5) Как могло случиться, что крестьянин Григорий Кареев, получивший тяжелые раны при взрыве судна, продолжал длинное путешествие морями и сушей и удалцы из-за него нигде не останавливались, а когда они уже много спустя плыли из Испании, после того, как у них там отобрали полоненных турок, то этот Григорий Кареев стал болеть от ран, полученных в начале их одиссеи; а когда они пришли в Рим, то Кареев у них так разболелся, что они дальше не могли плыть и простояли тут ради Кареева целые два месяца, и тогда только «вынули из него копьё»? Неужто им не проще было поместить больного в госпиталь, а самим идти далее, а не харчиться в чужом месте, да еще вдобавок в католической столице, где их могла настичь и действительно настигла напасть духовная? Пока один больной исцелялся телом, все ожидавшие его выздоровления захирели духом и «приняли католицкий сакрамент»?

Чту довело этих православных людей до такого поступка? Или они не знали постановления, что лучше умереть без всякого «сакрамент», чем принять его из руки и инославной, или не влекла ли их к этому надежда на папу, что он заступится за них. если они будут католики, и повелит испанцам возвратить им отображенных у них мусульманских невольников?

Вообще, какой интерес могли иметь иностранцы в том, чтобы им заманивать к себе простых, ничему не наученных и ни в чем не искусных русских людей, когда по сведениям, бывшим уже тогда в России, «в чужих землях было весьма многолюдно, а хлеба не обильно». Чту могли отнимать у невольников испанцы? Неужто кому-нибудь нужны были их невольничьи лохмотья?

Нет! Все это не могло быть так, как писано в скаске, а не проще ли думать, что сами русские пришли в Рим о чем-то стараться, и, усердно стараючись, «приняли и римский сакрамент», но ошиблись в соображениях и это им не помогло в том, чего они добивались. Тогда они увидели свою ошибку и разорение и поняли, что они в чужих краях никому не надобны. Это сознание, без сомнения, и привело их на родину, где Мошкин вдохновился и, приложив к былям без счета небылиц, сочинил свою «скаску» и подал ее царю с просьбою: «пожалуй меня, холопа своего, с моими товарищи, за наши службишки и за полонское нужное терпение своим жалованием, чем тебе об нас бог известит...»

Так это делалось в 1643 году, при царе Михаиле Феодоровиче, и тогда, судя по помете дьяка Гавренева, вся эта несуразная «скаска» была принята за серьезное дело. По крайней мере ей поверили в том, что Мошкин говорил о сакраменте, и за это его наказали. Затем, через двести пятьдесят лет, редакция современной русской газеты любитесь этим документом и, нимало не стесняясь помещенными в ней нелепостями, называет всю эту чепуху «достоверным источ-

ником, обстоятельно рисуя быт чужих стран и предприимчивость, бескорыстие и патриотизм русских людей». Тысячи читателей газеты не замечают, какую им предлагают глупость, и многие из них верят, что «скаска» составляли справедливые и отважные патриоты, которым надо верить и им подражать.

Но, может быть, указанное стремление газеты внушить обществу неверное понятие об одном из видов нашей «письменности» происходит от того, что редакция, воспроизведшая «скаска» Мошкина, не знает, что есть «скаска», точно такого же «сложения», сочиненная сто лет позже, именно в 1794 году, и достопримечательная тем, что она получила *народную* оценку, а сочинитель ее признан *бродягой*.

Пусть посмотрят, как это разбирает *народ*.

V

В последней четверти восемнадцатого столетия проживал в Нижнем Новгороде мещанин Василий Баранщиков. Он был человек маленький, но предприимчивый, и трудиться не любил, а желал разбогатеть как-нибудь сразу. На несчастье это Баранщикову не удавалось: он запутался в долги разным частным людям и накопил на себе недоимку в общественных платежах. Дело было худо, но Баранщиков не сробел и с веселым духом переписался из мещан в купцы, чтобы ему более верили; набрал у людей в долг кожевенного товара, выправил в январе 1780 года из нижегородского городского магистрата паспорт и уехал на ярмарку, которая собирается на второй неделе Великого поста в Ростове. С этой ярмарки почтенный Баранщиков домой уже не вернулся и оставил там на власть божию и на людское попечение свою купеческую жену и детей без всякого пропитания. И купец, и товар – все пропало бесследно и в течение целых семи лет не было об этом удалыце никаких слухов, как вдруг на восьмой год «нужа пригнала его к луже», и он появился в России, представляясь различным вельможам и всех их прекрасно обманывал, пока попался своим общественным людям, которые сейчас же разобрали дела Баранщикова в тонкость и «Лазарю», которого он распевал, не поверили, а потянули его к расправе. Тогда Баранщиков обратился к старинному средству «снискать себе счастье в особину» и составил о своем бродяжестве скаску с тем, чтобы поднесли ее особам и царице в виде печатаной книжки под заглавием: «Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год» (С.-Петербург, 1787 г.).

Из этой редкой нынче книжки, представляющей экземпляр «скаска» екатерининского века, мы возьмем только самое существенное, что повествовал о себе Баранщиков. Он продал будто весь «свой товар» в Ростове и выручил за него денег 175 рублей. Из этих денег он хотел заплатить что следовало за товар тем, кто оказал ему доверие, но деньги у него сейчас же украли ростовские мошенники. Баранщиков остался без всяких средств, так что ему не на что было и лошадей покормить. Тогда он, «не желая сидеть без дела, продал в Ростове за 40 рублей двух своих лошадей и отправился попытать счастья в Петербург».

По прибытии в Петербург, он нанялся матросом на корабль генерала Михаила Савича Бороздина и коллежского советника Василия Петровича Головцына с платою по 10 рублей в месяц и в половине сентября вышел в море. Корабль был нагружен мачтовым лесом, а курс они держали «из Кронштадта в Бордо и Гавр-де-Грас». Однако на этом корабле Баранщиков дошел только до Копенгагена, где он опять сделался жертвою злоумышленников. И отсюда справки о нем уже стали невозможными, а приходилось верить ему во всем на слово. «Скаска» же Баранщикова становится с этого шага все более интересною и менее вероятною.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.